

Эдвард Станиславович Радзинский «А существует ли любовь?» – спрашивают пожарники (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9601731

«А существует ли любовь?» – спрашивают пожарники / Радзинский Э. С.: АСТ; Москва; 2015

ISBN 978-5-17-094505-4

Аннотация

Самая пронзительная книга о любви от Эдварда Радзинского.

«Каждое утро, проснувшись, я захлебываюсь в собственном дыхании... я ощущаю ваши губы с такой физической реальностью, что почти теряю сознание. Только молоточки в висках. Я становлюсь безумной... и со всей силой этого безумия я говорю вам: я вас люблю!»

Содержание

Она в отсутствии любви и смерти	5
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Эдвард Радзинский
«А существует ли любовь?» –
спрашивают пожарники (сборник)

© Радзинский Э. С., 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Она в отсутствии любви и смерти

Излюбленными темами литературы XIX века были любовь и смерть.

Но с появлением Флобера, Чехова, Джойса родилась новая современная литература, обратившаяся к новому – незначительному и повседневному.

Цветан Тодоров, «Поэтика»

ОНА

Осень, но холодное октябрьское солнце сегодня радостно светит.

В ее комнате шторы как всегда раскрыты, и комната наполнена солнцем и несмолкаемым грохотом трассы – дом стоит на шоссе.

Она выросла в этом грохоте и совершенно к нему привыкла. И для нее в нем большое преимущество: она может свободно разговаривать в своей комнате вслух – сама с собой, ибо из-за постоянного шума ничего не слышно в той, второй комнате, которую занимает Ее Мать.

Комната ее Матери – проходная, большая и очень тихая (окна во двор). Здесь все как у всех: трельяж, телефон на полу на длинном шнуре (о который Мать периодически спотыкается), большая тахта (можно залезать с ногами) и кожаное кресло из старого югославского гарнитура. Ее матери «чуть за тридцать», но Мать – прелестна, Она кажется совсем юной в голубеньком джинсовом костюмчике.

Сейчас ее Мать в своей комнате сняла телефонную трубку. Но не стала набирать номер, а расхаживает в задумчивости с телефонной трубкой в руке (споткнулась о шнур: «Ах черт!»).

И Она в своей комнате, по очереди ударившись о стол «Ах черт!» и об угол кресла-кровати «Черт!», улеглась на кровать животом и успокоилась. Но лишь на мгновение. Вскочила, уселась, и как-то сладко долго потянулась, и, изгибаясь всем телом, жмурясь от солнца, медленно стаскивает с себя балахончик, будто сдирает кожу, и стоит полуголая в потоке солнца. Потом снова плюхнулась на кресло-кровать. Щелчок. Она включила свой допотопный магнитофон.

В это время ее Мать – все так же с телефонной трубкой в руках – подошла к двери ее комнаты, толкнула, но дверь заперта. Мать стучит.

Она не двигается.

– Оглохла?!

Стучит.

Она, не обращая ни малейшего внимания на стук, шепчет в микрофон:

– Каждое утро, проснувшись, я ощущаю ваши губы с такой физической реальностью... Я становлюсь безумной. И со всей силой этого безумия говорю вам: я вас люблю!

Мать продолжает тщетно барабанить в ее дверь. Она спокойно взглянула на часы, надела байковую кофточку, джинсы, поролоновую куртку и как-то сонно открывает дверь. Глядит на телефонную трубку в руке Матери – усмехнулась. Мать поняла усмешку и торопливо бросила телефонную трубку на ковер.

– В куртке будет холодно. Поддень кофту.

– В кофте будет жарко.

– Милая, у тебя скоро экзамены... Без кофты не пойдешь.

– Хорошо, я понесу кофту в руках.

– Это твое дело. Привет Эрике. Кстати, почему твоя лучшая подруга Эрика никогда к нам не приходит?

Она молча и по-прежнему сонно смотрит на Мать. Мать привыкла не получать ответ и поэтому безостановочно продолжает спрашивать.

– Когда вернешься?

– Не знаю. Сначала пойду в парикмахерскую.

– В какую парикмахерскую?! Ты собиралась к Эрике.

– Сначала я пойду в парикмахерскую.

– Милая, сегодня предпраздничная пятница и все...

– «Сидят в парикмахерских...» Я знаю. Я прошу тебя: дай мне деньги на парикмахерскую.

– Ах, вот в чем дело! Как же я сразу не поняла! Ну, конечно! Ты пойдешь в парикмахерскую, чтобы проторчать там в очереди, да? А потом будет поздно идти к Эрике, да? И ты вернешься домой! Ты решила посмотреть, кто придет ко мне, да?

Она все так же без выражения:

– «Ты решила испортить мой единственный вечер?». Нет. Я не вернусь домой рано. Подходит?

– Это ты сможешь! Чтобы я сошла с ума от страха... – кричит мать, – я не умею! Я не могу с тобой!

Она, миролюбиво: – Что делать, ты слишком молодая мать.

– Да! Да! – сразу легкомысленно-весело, – Знаешь, вчера мне тип из третьего подъезда сказал, что когда мы с тобой идем по улице...

– То издали я выгляжу старше тебя.

– Какая ты все-таки жуткая..., – помолчав, – Ну что ж, я не хотела тебе говорить, но ты вынудила... Утром ко мне пришла Надя... девочка из третьего подъезда...

– Мне неинтересно!.. Кто рылся у меня в столе?

– Так вот... Эта милая Надя... пришла, знаешь зачем?

– Мне нужны деньги на парикмахерскую!

– Повидать твою кошку. Оказывается, ты ей рассказала, что у нас живет потрясающая кошка Каштанка, которая тебя страшно любит и ходит за тобой не иначе как на задних лапах! На задних лапах!!

Она успокоившись:

– И что ты ответила?

– Что отродясь у нас не было никакой Каштанки, хотя иногда ты приносишь с улицы бродячих кошек... Но они от нас немедленно убегают! И не потому, что я плохо с ними обращаюсь, а потому, что ты их попросту забываешь кормить! Ты ведь ко всему еще и ленивая! – Дает деньги. – Кот «на задних лапах» – это из «Мастера и Маргариты»? Да?

– А все-таки: кто же рылся на моем столе?

– На твоём письменном столе, который стоит пока в моем доме, я писала сегодня письмо. Можно?

– Поэтому я закрыла все ящики стола на ключ... чтобы в твоём доме кто-то случайно...

Мать тихо-тихо: – Иди. – орет. – Уходи!

Она усмехнулась, – Не позвонил? – кивнув на телефонную трубку, – Сама позвонишь?!

Мать дает ей пощечину.

Она весело: – Чао-какао! Пошла в парикмахерскую!

Как только стукнула входная дверь, Мать тотчас поднимает брошенную трубку, набирает номер.

– Привет, ты не звонил мне, а то я долго разговаривала по телефону? – Выслушивает ответ. – Понятно... Ну, как насчет «сегодня»?.. Конечно, я свободна, мы же договорились... Нет, ты же знаешь, в десять – это поздно, она возвращается...

Ну ладно, давай встретимся... в понедельник. Кстати, с понедельника около меня Неделя французских фильмов... Ну, если они такие ужасные – конечно, не стоит, я могу посмотреть и свои ужасные... До понедельника. Чао...

ПОДРУГА

В такой же большой комнате, с точно таким же трельяжем и креслом, только желтым. Подруга Матери в десятый раз набирает номер.

Она сверстница ее Матери и одета в точно такой же джинсовый костюм, только Подруге он не идет, потому что Подруга маленькая, толстенькая и некрасивая. Зато, естественно, Подруга очень энергичная – ни секунды не сидит на месте, все носится по комнате или убегает в кухню, точно так же спотыкаясь о шнур телефона на полу.

Подруга в очередной раз набрала номер, и в комнате матери раздался звонок.

Мать торопливо схватила трубку:

– Алло...

– Ну, знаешь! Не спрашиваю, с кем ты столько болтала...

– Приезжай.

– А разве он..?

– Нет!.. Сегодня от него мы свободны, сегодня у нас с тобой девичник.

– Еду. Я тебе такое расскажу – новый план жизни. Чао!

Хочет. И Мать отчего-то тоже хохочет и вешает трубку. Подруга, напевая, начала энергично собираться в своей комнате, время о времени спотыкаясь о шнур.

ДЖАЗИСТ

В это время в третьей квартире – в кухне, загроможденной джазовыми инструментами, три юнца тихонечко играют мелодию.

Двое – очень высокие, гнутые, с прекрасными длинными волосами. Третий – тоже длинноволос, но маленький. – Маленький джазист с подпрыгивающей походкой, нервно сгрызающий свои ногти. Маленький джазист – хозяин на кухне, он руководит двумя высокими.

В дверь кухни постучали, и старческий голос прокричал из-за двери:

– Котик! Пять часов! Ты просил сказать, когда будет пять!

И тогда Маленький джазист перестает играть, торопливо укладывает в футляр саксофон... и уходит. Двое других, будто не замечая, будто в наркотическом опьянении, продолжают играть мелодию.

ОН

И еще одно помещение... Только это уже не комната, а ванная в Его квартире.

Он молча стоит перед зеркалом с жужжащей электробритвой в руке, но Он не бреется. Он тупо уставился на свое отражение в зеркале – отражение усталого тридцатилетнего мужчины.

Нервный голос жены из-за двери:

– Сейчас пять часов!

– Я знаю.

– Ты не сходил даже за вином. В семь придут в гости! Что ты молчишь?

– Думаю.

– О Боже! О чем?! О чем?!

Он молча уложил электробритву в футляр и вышел из ванной.

В семь часов вечера. Та же ванная. В ванную входит Он... Из-за двери слышны громкие голоса и громкая музыка. Он захлопывает дверь, садится на угол ванны и молча сидит. Приоткрывается дверь, и в ванную просовывается веселое, пьяное лицо гостя. Это – Доктор, высокий бритый тридцатилетний весельчак.

– Ку-ку! Твоя просила меня тебя посмотреть, – хохочет, – Говорит, что ты плохо спишь!

Покатываясь от смеха, Доктор заходит в ванную.

– Действительно, хорошая фраза, – смешная.

– Ты посмотри, как сидят наши жены. Представь, что ты их не знаешь, просто мы с тобой сняли двух кисуль и привели на хату. Ну, какую ты выберешь? – хохочет, – Я – свою...

Он чуть подмигнул: – И мою. Бери уж обеих.

Доктор погибает от смеха: – И твою, и свою, – поймал его взгляд, добавил поспешно, – Твоя говорит, что ты просыпаешься в пять утра. Я ее спрашиваю, откуда ты знаешь, когда он просыпается, сама наверняка в пять утра храпишь как сурок, – хохочет, – Но она требует, чтобы я тебя показал профессору. Я ей говорю: «Если ему надо показать профессора – я приведу... а если его – то уж лучше доктору. По крайней мере, мы, доктора, хоть что-то понимаем», – распусти ремень.

Доктор сам распускает ему ремень.

– Дыши! Дыши, друг мой... глубже... мне даже не надо тебя осматривать, я могу сказать с ходу. – щупает его. – Так больно? А так?

Он сбросил руку Доктора.

– Ну, попижонь! Попижонь! Учти, я пьян и поэтому говорю сейчас умные вещи. Твое сердце оказалось абсолютным банкротом. Оно не выдержало взятых тобой обязательств. Живем в эпоху, жестокую к сердцам... Тебе очень нужны три недели покоя. У вас отличная академическая больница...

– Какой же ты мерзавец.

– Не понял...

– Хотя... – засмеялся Он, – «Мою» я понимаю, – ты современный мерзавец, везунчик, веселый кобель. Но ты, не пропускающий ни одной медсестры, зачем тебе моя увядшая, несчастная женщина?

– Что ты городишь?!

– Я объясню: она чужая! Это главное. А ты органически не можешь не сцапать, не схватить, не стибрить чужого... Мир – помойка, да?.. Где все жрут, хватают за сиськи...

И вдруг, размахнувшись, нелепо бьет Доктора, но Доктор спокойно перехватывает его руку и, вывернув, пригибает его к полу.

Доктор шепчет:

– Дурак, ты по правде очень болен! Слышишь?

Выпускает его руку и молча выходит из ванной.

Десять вечера того же дня. Он с чемоданом входит в странную огромную комнату.

Видимо, прежний хозяин расширил ее за счет прихожей, и теперь дверь с улицы открывается прямо в комнату. Вся мебель – стол и два стула – уложены на кровать. Это нагромождение покрыто автомобильным брезентом – и есть что-то пугающее в этой бесформенной грубой куче. Зато на стене трогательно набиты маленькие гвоздики.

На одном сиротливо висит полотенце. У кровати большая стопка книг и на нее водружен телефон.

Он подходит к телефону, поднимает трубку и молча слушает гудок. Потом достает из чемодана рубашку, костюм и мятый плащ... Все это развешивает на гвоздиках. Затем сдергивает автомобильный брезент и начинает расставлять мебель, когда раздается звонок в дверь. Он в ужасе глядит на дверь, но звонок звонит безостановочно.

Он открывает. На пороге, с кофтой под мышкой, стоит Она. Она не входит в квартиру, остановилась на пороге. И весь их дальнейший разговор происходит на пороге.

– Здесь сдается квартира?

– Квартира сдана.

– Давно?

– Сегодня.

– Вам?

– Мне.

– Скажите, у вас не найдется попить, только мне нужно холодную, из-под крана.

Он молча уходит в кухню. Вослед тотчас ее требовательный крик:

– Только мне нужен полный стакан, ладно?

Он возвращается со стаканом воды.

Она кивнула на окно: – Лупит!

– Да, ливень.

– Черт! – Она поглядела на часы, показывая, что торопится, но не уходит из-за дождя.

– Опаздываете?

– Боюсь «потечь» – косметики в этот раз много.

– Зайдите все-таки!

– Ничего-ничего, не стоит вас затруднять. – Она входит в квартиру, но останавливается у двери.

– Впрочем, если у вас есть время, поболтаем... пока дождь... Квартира, конечно, очень хорошая. Но ваш район мне не нравится. Я люблю свой... У нас, знаете, окраина: лес, пруд! И зимой, и летом одно и то же. Идешь в школу, а впереди тебя шагает человек... такой важный, с портфелем... И вдруг у пруда... пруд у нас между домами... вынимает из портфеля газетку, раздевается прямо на снегу, портфелем прикрывает одежду, чтобы выюга не замела – и в лунку! Потом вылезает, оделся и дальше!..

Требовательно:

– Я еще хочу пить.

Он улыбается и уходит на кухню, приносит воды. Она жадно пьет.

– Удивляетесь, что я столько пью? Я всегда умираю от жажды.

Опять глядит на часы.

– Встреча?

– Знаете, на столбе, где висело объявление о вашей квартире, рядышком приклеили оригинальную записку: «Требуется вокалистка в инструментальный ансамбль» – и телефон. Человек, естественно, позвонил, договорился о прослушивании. Сказали, в таком-то часу человека будет ждать руководитель ансамбля; он будет в розовых джинсах, – засмеялась, – Здорово!

– Здорово!.. А «человек» не боится?

– А человек загадал: зададите ли вы этот вопрос... Человек не боится. Никого и ничего. Человек может идти посреди улицы, и машины его объезжают. Никто и ничто не смеет ему причинить боль.

– Это почему же?

– Это потому... А вообще это очень солидная группа. Люди часто приглашают их на вечера... Я их, правда, сама не слыхала... я не любила школьные вечера... но люди...

– «Люди» – это ваши коллеги мальчики и девочки?

– Слушайте! Моя мать обожает, чтобы все было названо. Даже то, что она уже поняла!
И притом желательно дважды.

– Это у нас с вашей мамой возрастное.

– Не надо, мне и так вас жалко.

Он помолчал, примирительно:

– Любите петь?

– По-моему, сразу видно, что я ненавижу петь. Я люблю мычать что-нибудь про себя, без слов. А петь слова – это ужасная пошлость. Но у меня отличный голос, и я хочу зарабатывать. Я решила снять такую же квартиру. Это большое счастье, когда в твою дверь никто не смеет постучать, если ты сама этого не хочешь. А потом я отправлюсь на юг с подругами.

– У вас есть подруги?

– По-моему, совершенно очевидно, когда у человека есть подруги. У меня есть две подруги. Наденька – потолще, и Эрика – худая и прекрасна. Мы в прошлом году объездили буквально весь юг. Втроем снимали две койки. Мы с Эрикой спали валетиком... Путешествие нам ничего не стоило. Мало ели – много курили... Во всяком случае, у них денег не брали.

– А с «ними» не ладите?

– Просто когда человек входит в свой дом, он отчего-то сразу их обижает. Дело в электронах. У них электроны движутся параллельно, а у человека – перпендикулярно.

– Можно спросить: у вас что-то стряслось?

– Заметно?

– Очень.

– Как вам объяснить... Счастье. У человека появилась возможность... точнее, право – жить так, как хочет он сам... И вот он взял отпуск... И вот у него уже своя квартира...

– Без них!

– Да! Можно читать книжки... Или вообразить, что ты на юге... Человеку не разрешили на юг, а он может лежать и слышать шаги... будто по гравию... будто солнце.

– Чушь! Если бы у меня была возможность, я все равно бы поехала на юг. На юге... на юге... – требовательно, – Я хочу пить! Только я сама. У вас не получается холодная.

Уходит в кухню. Шум льющейся воды.

– Кстати, меня зовут Федор Федорович, а вас?

Ее голос из кухни:

– А зачем вам? Кому сколько лет, кто где работает и как кого зовут – меня не интересует... Я вымыла вашу чашку и поставила ее на место... Мое имя, как у тысяч... Мое имя – обычная кличка, не больше. Поэтому я себя называю «Я». Это хотя бы правда.

Она возвращается из кухни. По ее лицу смешно размазана тушь.

– Я подставила лицо под кран. Теперь мне не страшен никакой дождь, – продолжая размазывать рукой краску, – Теперь, слава Богу, я могу, наконец, уйти от вас. Чао-какао!

И она уходит, оглушительно хлопнув дверью.

Он остается один, садится на кровать, потом идет в кухню и возвращается с ее кофтой в руках. Усмехнувшись, вешает ее кофту на стул.

«На кого же она похожа?» Смеется. «Просто перед глазами уже прошла такая толпа... что всякий на кого-то похож...»

Он лежит на кровати, бормочет:

– Да, как быстро... Однажды волновался по поводу какого-то дела... ругался. И ответили: «Ваше дело состоится, но через два года»... «Как?! Только через два года?!» В трубке засмеялись и поправили: «Уже через два года. Поверьте, «через два года» – это быстро. «Через два года» – это во вторник!»

И вот уже понимаю эту фразу... Мясорубка из дней. Мелькание. В среду – сорок... в пятницу – пятьдесят. И уже в субботу... Ну, самое большее... до субботы! И отплывать! Отплывать! И вот с этим ощущением...

Помолчав:

– А в общем ничего не произошло: два равнодушных друг к другу тела, отчего-то засыпавших в одной постели, и это была не постель – корабль, на котором они собирались отплыть вдвоем в старость... эти двое, которых знакомые называют детскими именами... а дети этих знакомых в ужасе плятятся, когда на Федю и Валю откликаются два полуразрушенных типа... Два угасших тела... которых связывало друг с другом... что? Возраст... Это называется взаимопониманием... Безысходность... именуется уважением... Трусость, именуемая ощущением грядущих болезней и пониманием слабостей друг друга... «Брак: обмен дурных настроений днем и таких же запахов ночью». Бесстыдная французская пословица. Так что же взбесило? По какому праву другое тело вдруг оказалось живым!

* * *

В квартире Матери звонок в дверь. Мать идет открывать, возвращается с Подругой.

– Ну, что у тебя?

– Все время звонит, звонит! Надоел!

– Наверное, решил жениться! Точно?

Мать избалованно:

– Да ну его! Только избавилась от одного сонного трутня, и все начинать сначала? Обстирывать, готовить, пока он будет читать газету. Уже все было! Уже все знаю! И главное... зачем? Девочку я, слава Богу, вырастила. Если в шкафу обязательно должны висеть брюки, я могу повесить туда свои!

– Счастливая: все тебя хотят, красивая, дочка есть... А я сегодня утром проснулась в пять утра... и так отчетливо представила свою жизнь...

– Сегодня сделаем маску из свежих огурцов.

Уходят на кухню и возвращаются с тарелкой, наполненной нарезанными огурцами. Они накладывают огурцы на физиономии, ставят на пол бутылку вина, два бокала и ложатся на тахту, продолжая разговор:

– И всю неделю сплошные предательства! У меня два чешских чемодана. Месяц назад одолжила один нашему зав. травматологией. Теперь мне надо ехать в командировку. Звоню ему: принеси! Думаешь, почесался? А почему? Потому что считает, что он мне нравится! ... Возвращаюсь из командировки – сосед по лестничной клетке, молодой специалист, дальний родственник, я ему деньги одалживаю, ну жалко мне его... лезу в шкаф – нету Цветаевой. Оказывается, он открыл без меня комнату и взял подарить своей телке. И, главное, уверен, что я ему ничего не сделаю! И не только потому, что я добрая! Нет! А потому, что тоже считает... что он мне нравится! Ну что за дела?... Лучше бы шубу мою подарил!

– Хорошо!

– Что?

– Что он шубу твою не подарил.

– Короче, у меня уже комплекс. Я больше не могу так! Давай выдадим меня замуж. Я никогда не была замужем. В последнее время я все яснее чувствую: буду хорошей женой! Я веселая! Меня в больнице зовут «колокольчик». Говорят: чем больше бьют – тем больше звенишь! Ха-ха-ха! Все! Начинаю новую жизнь. – Пьет.

– «Колокольчик», да? – хохочет.

– За тебя! – Пьет.

– Главное – действовать. Я прочла свой гороскоп. Я – телец. Тельцы в этом году должны обязательно действовать! Если хотят чего-то достичь! Я хочу! Хоть чего-то... На днях читала «Наш район». Там статья об одиноких... Какое там письмо капитана! Капитан гидрографического судна, одинокий, застенчивый, ищет подружку жизни!

– «Жил отважный капитан»...

– «Но никто ему по-дружески не спел!»! Понимаешь, на суше он все время ремонтируется в доках... и он никак не может познакомиться с... с суженой, – хохочет.

– В доках, – хохочет, – С суженой... – покатывается от смеха, – «Капитан, капитан, подтянитесь!»

– Слушай, а ты тоже веселая! – хохочет Подруга.

– Я тоже немного – колокольчик.

– Короче, звоню я в редакцию; дайте адрес капитана. Говорят: мы не брачная газета, у нас тысяча звонков по этому поводу. Но я решила: пишу письмо капитану и нахально отправляю в газету для пересылки. И пусть только попробуют не переслать. Я телец, у меня год действия – жалобами завалю!

– А статья жуткая, – усмехнулась Она.

– Значит, тоже читала?

– Нам эту газетенку в ящик кладут... Я представила себе все, что они пишут. Вечера одиноких «после тридцати»... Это конец света: зафиксированный он... зафиксированная она – стоят, как на случке, умирая от стыда.

– Это ты будешь умирать от стыда. А нормальные люди...

– Ну, если так хочется выйти замуж, поезжай на курорт, я не знаю! Ну, походи в ресторан!

– Это опять ты – пойдешь в ресторан. Вернее, не дойдешь до ресторана... Выйдешь замуж по дороге! А человек с обычной внешностью... с нормальной... то есть с моей... Ты не представляешь, какая запись на эти вечера одиноких. Я позвонила туда утром. Ответают: женские билеты у них распроданы до следующего года.

Мать вдруг яростно:

– Слушай, едем к нему, а?

– К кому!?

– Ну, к моему! Явимся сейчас, – вскочила, и огурцы посыпались с лица.

– Ты что?! Неудобно – поздно!

– А вот и хорошо, – бешено, – Одевайся!

– Слушай, сейчас двенадцатый час. Он... свободный человек... мало ли...

– А мы, воспитанные, звоним – и вопрос ему из-за двери: «Баба есть? Гони!» Исчерпывающе?! Что, не прогонит? Ради меня? Ну, скажи Вера?

– Прогонит.

– Он такой жадный, у него коллекция фарфора. Войдем и нечаянно локтем весь этот фарфор... Эффектно?

– Так эффектно!

– Он в ужасе! А мы хохочем, звеним – два колокольчика: розовые ротика, язычки бьются...

– А давай считать, что мы уже!

– Бабу выгнали. Да?!

– И вазу разбили! – усмехнулась Подруга.

– Севрскую. Он... ничтожный! Он ничтожный! – Она опять вскочила, теряя последние огурцы с лица. – К черту! Лучше письмо сочиним твоему капитану!

– Грандиозно!

Мать и Подруга, хохоча, проходят в ее комнату. Мать усаживается за ее письменный стол.

Мать диктует себе и пишет:

– «Дорогой и отважный капитан! А не пошли бы вы...»

– Нет, это слишком лаконично.

– Да, письмо должно быть сентиментальным. Они любят, Верунчик, сентиментальное. Значит, «Дорогой капитан! Иногда выходишь на улицу и бродишь, сливаясь с толпой. Все спешат по своим делам, а тебе некуда спешить... и ты возвращаешься домой... одна...» И вот тут: «Дорогой капитан, а не пошли бы вы...»

– Перестань! Так хорошо начала – просто дрожу вся! Продолжай!

– «Теперь обо мне: мне чуть за тридцать». Исчерпывающе? «Рост средний, вес...»

– Не будем.

– Давай напишем – хорошенькая. Капитаны, даже отважные, они это любят.

– Но он же увидит.

– А когда увидит – поздно будет. Ты его задавишь энергией. Ты в пять утра просыпаясь, – продолжает писать: «Я – любитель книг, природы, стихов и в основном домоседка. Характер у меня немного вспыльчив, но отходчив. И главное, за годы одиночества я поняла: бывают женщины, которые сами не знают, чего хотят, и все время ссорятся с мужиками. Ну что плохого, если мужчина любит читать за столом газету, а я в это время картошку приготавливаю. Вы пишете, что вы не исключительный человек...»

– Но он не пишет.

– Отстань! «А мне и не надо! Я устала от исключительных. Мне чего попроще. Торжествующе: – И вот тут-то с троеточия: «... Дорогой капитан, а не отправились бы вы...»

– Как здорово!.. С ходу сочинила такое! Ты у нас писатель!

Мать засмеялась:

– Тренировалась, Верунчик, к твоему приходу.

Они возвращаются в комнату матери, собирают огурцы, вновь раскладывают на лицах, лежат на тахте и молчат.

– Но вообще-то... я... наверное, достану билеты... на этот вечер «после тридцати»... Я развила с утра деятельность... Естественно, у меня оказалась пациентка... Конечно, мне рядом с твоею красотой... Но, может, обе отправимся? ...

– Да ты что...

– Но я думаю, что вдвоем ...

– Тс-с... помолчи немножко... а то мы, кажется, перезвенели.

Мать идет в ее комнату, включает магнитофон. Тихая мелодия.

– Расслабь лицевые мускулы... Ах, как хорошо... Который час, кстати?

– Одиннадцать.

– Я начинаю волноваться.

– Да ну тебя, кто сейчас возвращается в это время!

– Ну она же сумасшедшая ... Какая музыка... как хорошо.

В это время звонок в его квартире. Он открывает дверь. На пороге опять Она... Он протягивает ей кофту.

– Всегда что-нибудь забываю, – деловито проходит на кухню, откуда раздается шум воды. Возвращается с кухни.

– Который час?

– Одиннадцать.

Она стоит и что-то молча высчитывает, шевеля губами.

– Как ваш в розовых джинсах?

– Я все понимаю по дороге. У меня даже есть теория на этот счет: когда движешься, становишься машиной, и, наверное, тогда и включается подсознание. Недаром – машинально от слова «машина»... Пока я шла домой, я установила, что оставила у вас кофту и что... как ни странно, нигде больше не было объявления о «певице». Оно висело только у моего дома. Поэтому, когда я увидела этого, в розовых джинсах, я совсем не удивилась: он оказался тем самым типом... который уже месяц торчит против моего окна, когда наступают сумерки.

Он усмехнулся: – Значит, все-таки...

– Пришлось побыстрее уносить ноги. А то у меня беда: если я нравлюсь человеку, а он мне понятен, я его начинаю доводить. А это не все терпят.

И вдруг быстро направилась к окну.

– Что?

– Так... удостовериться... кое в чем... Сколько сейчас?

– Четверть.

– Ну, прощайте.

– Прощайте.

– Прощайте...

Она медленно идет к двери, – Черт! Ах черт! – Она беспомощно садится, лихорадочно стучит зубами, – Только вы не бойтесь! – ее бьет озноб, – Это пройдет... Мне нужен горячий чай! – кричит, – Мне холодно!

Он в панике хватается за брезент и начинает укутывать ее.

Она требовательно:

– Мне холодно! Мне холодно! Мне холодно!

– Сейчас... Сейчас...

Он нелепо кутает ее в брезент. Она сидит, стуча зубами.

– Я южный человек... Я не могу без солнца! Дрожь постепенно затихает.

– Получше?

Она вдруг, очень спокойно:

– А вы не испугались! – усмехнулась, – Здорово! Обычно они боятся больных. Притом даже не то чтобы заразиться бояться, просто больной им неприятен. А вы первый, не испугавшийся моей странной лихорадки... Потрясающе! Знаете, у меня есть мальчик знакомый... и он, вместе с моей подругой Эрикой, навещал в больнице еще одну нашу общую подругу. Она лежала в психиатрической клинике. И мальчик ее полюбил. Потом девочка выздоровела – и люди расписались. Вы не представляете, что устроили они... И не потому, что они ее не знали или она им не нравилась. Нет, потому что девочка лежала в нервной клинике! Я часто задаю себе вопрос: откуда такое отвращение к страданию?

Он усмехнулся и невзначай дотронулся до ее лица. Она тотчас вскочила.

– Мне надо позвонить, – торопливо набирает номер.

Звонок в комнате матери.

Мать: – Алло...

Она молчит.

– Алло! Алло!

– Это я.

Мать кричит:

– Где ты находишься? Я схожу с ума!

Она молчит.

– Ну, где ты? Ну, умоляю! Ты будешь отвечать?

– Нет.

– Ну, хорошо, только ответь: с тобой что-то случилось? Ну? Ну? Я умоляю!

– Нет. Скоро буду! – Гудки в трубке.

В комнате Матери.
– Слава Богу! Где она?
– У Эрики.
– Что же ты не могла сама туда позвонить?
– Она телефона не дает.
– То есть как это – не дает?
– Отстань!.. Боже мой, я почему-то вдруг так испугалась!
В его комнате... Она положила трубку, помолчала. Молчит и Он.
– Что меня особенно удивляет, самая тонкая перегородка – это между больными и здоровыми – и нет большей пропасти. Да, я что-то забыла...
– Забыли дрожать.
– Нет! Нет! Это была правда! Слышите! Тут вы ничего не поняли. Все так прекрасно понимали! Это у меня внезапно проходит... И так же внезапно появляется! Это правда! Который час?
– Половина...
– Вы спросили, почему я не боюсь ничего? У меня есть такая теория: с рождения в человеке заложена интуиция. Но мы ее с возрастом – засоряем. В истинном виде интуиция остается только у детей и у животных. Так вот, я ее в себе не заглушила. Когда я вижу два яблока – красное и зеленое... и интуиция подсказывает мне: возьми зеленое, но я все-таки беру красное... оно оказывается червивым. Поэтому, во-первых, я сразу понимаю: надо ли мне бояться, а во-вторых... Замолчала, но вдруг серьезно, – А вот вы зря не боитесь меня. Может, я оставила у вас кофту нарочно, чтобы вас погубить! Может... обитало в пространстве некое кровожадное существо... – помолчав, – А если бы вы узнали обо мне ужасную вещь, а? Вы поверили бы?
Он засмеялся и молча дотронулся до ее волос.
Она тотчас вскочила.
– Откройте дверь! Немедленно! Мне домой нужно! Откройте!
Он испуганно открывает, и Она вихрем уносится в открытую дверь...
Он один. Начинает стелить постель, улыбается и бормочет:
– Открывается дверь и входит... И оттого, что она психованная... или черт знает отчего... И вот уже «охладевший и отживший»... А где же – разочарование и мудрость?... А как же – «Быстро стареют в страданиях для смерти рожденные люди?!» – смеется, – Ужас!

* * *

В комнате Матери.
Подруга, одеваясь: – Письмо капитану за тобой, писатель!
– Чао! Я спать хочу.
Подруга уходит.
Мать напевает: «Раз пятнадцать он тонул... но ни разу... но ни разу... но ни разу...»
Задумавшись, сидит на тахте. Стук входной двери – в квартиру входит Она.
– Явилась – не запылилась. Есть хочешь?
– Хочу.
Она проходит на кухню. Открывает холодильник.
Мать кричит:
– Не ешь стоя! В парикмахерской была?
– Естественно...
– Удачно подстриглась, совсем не видно. Как Эрика?
Она молча проходит в свою комнату.

– Опять рылись на моем столе?

Мать, думая о своем:

– «Но ни разу даже глазом не моргнул».

Вынимает из спального ящика подушки, белье и стелет на тахте. Она ложится на кровать, включает магнитофон и шепчет.

– Письмо первое: «Я увидела вас... – взгляды перекрестились – это было страшно. Меня отшвырнуло, показалось, что падают стулья. В изумлении я обвела глазами вокруг, но все было на месте. И в панике я бежала, бросив на поле боя кофту, как стяг, как бестелесное свое тело... А потом были бессмысленные слова, в которых, как в скорлупе, шевелились те слова. Какое было серое небо весь день. И в дальнейшем все самое грустное и нежное... когда все будет правда... будет происходить при этом дожде... Я все знаю, что будет... Воспоминания о будущем. А теперь – убийство, – стирает запись, – Точнее – самоубийство».

Мать ложась в постель, кричит: «Ты потушишь свет или, как обычно, до трех?» Она молчит.

– Сумасшедшая девка, – гасит свет.

Она в своей комнате набирает номер телефона. Звонок в его квартире.

– Алло... Алло... – Молчание. – Алло... Алло.

Она кладет трубку, торжествующе: – Явь!

* * *

В опустевшей кухне среди оставленных инструментов тихонечко играет Маленький джазист в розовых джинсах, напевая слова:

*«Моя любовь... Моя любовь...
Моя любовь
Бывшее «ты»,
«Ты» распалась –
В реальность груди, бедер и губ.
Теперь их можно ласкать или обсуждать,
Как жратву в ресторане...
Бывшее «ты»
Моя любовь!»*

* * *

На следующий день. Ванная в его прежней квартире. В ванной Его жена, причесывается перед зеркалом. Дверь в ванную раскрыта, и рука Доктора тихонько и нежно ласкает ее лицо, и слышен голос Доктора, разговаривающего по телефону – со своей женой.

– Я на «Скорой»... Мне отсюда не очень ловко разговаривать, – выслушивает ответ, – Буду поздно... Не надо! Только фрукты, я и так прибавил! Никто не звонил? – выслушивает длиннейший ответ, – Я не могу больше разговаривать – я на «скорой»!.. Кстати, купил билеты на французский фестиваль. Целую.

Доктор, заглядывая в ванную: – Кстати, эти французские фильмы – такая муть!

– Я знаю, мне предлагали... Ты не видел мою сережку?

Доктор протягивает ей сережку.

– И как ты ее увидел?

Он, смеясь, целует ее.

– Ну да, опыт... И самое глупое, что он меня безумно любит, и это не дает мне покоя! Ты счастливый! Ты никого не любишь, и у тебя нет никаких обязательств, – она помедлила, ожидая возражений.

– Он очень болен, повторяю...

– Ты считаешь, что я должна ему позвонить?

– Это твоя обязанность сейчас – позвонить и помириться с ним.

– Но я не люблю его... Хотя, конечно, как только я подумаю... что он... где-то один... как собака... Боже мой... ну почему я не могу об этом не думать! И почему я не могу думать о себе! Почему все могут?!

Доктор целует ее в шею. Потом выходит из ванной, потом его рука протягивает телефон и закрывает дверь ванной. Жена медленно набирает номер, потом кладет трубку, вновь набирает.

Звонок в его комнате. Он поднял трубку:

– Алло...

– Здравствуй.

Он, почти страдальчески:

– Здравствуй.

– Ты хочешь показать, что ты не рад?

– Я ничего не хочу показать.

– Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо.

Жена капризным, тонким «девичьим» голосом:

– Неправда! Тебе плохо сейчас. Я знаю, – нежно, – Плохо?

– Мне хорошо! Мне великолепно! Мне замечательно! Мне с рождения не было так хорошо! Поверь!

– Бог с тобою. Обещай только одно: если тебе станет плохо – ты сразу мне позвонишь: ночью, когда угодно! Обещай!

– Да! Да! Да! Я обещаю! Я все тебе обещаю. Только, – почти кричит, – не надо звонить!

– Хорошо, хорошо... Не буду звонить. Счастливо.

– Счастливо.

Он бросил трубку.

В ванной Жена распахивает дверь:

– Его страшно жаль.

Голова Доктора просовывается в ванную:

– В последнее время я его почти ненавидела... Но сейчас услышала его голос... несчастный голос... и все простила. Весь этот ужас последних лет... Неужели придется ехать к нему? Хотя, в конце концов, он не виноват, что я его разлюбила! Надо оставаться человеком!.. Обними меня... Ну почему я не могу как все? Как я тебя люблю. Знаешь, ты моя первая измена... то есть... первая, чтобы до греха... На секундочку... хоть на одну секундочку думай только обо мне, ладно? Какое счастье просто держать за руку. Я каждую твою клеточку сейчас чувствую... Я все понимаю, но крохотулечку – любишь? Ну, соври! Ладно?

– Люблю.

– Ты не соврал?

– Нет!

Она стоит в ванной и рука доктора ласкает ее лицо.

В его комнате Он молча лежит на кровати. На лестничной клетке этажом выше появляется Она. С телефоном в руке. Набирает номер. Звонок телефона в его комнате. Он не снимает трубку. Телефон звонит безостановочно. Он выдергивает шнур телефона... Тишина.

На другой день на лестничной клетке снова появляется Она с телефоном, набирает... Он долго слушает звонок, потом, вздохнув, берет трубку, но тотчас, в панике Она разъединяет телефон... И снова набирает номер.

– Алло...

Она молчит.

– Алло! – зло, – Алло!

– Это я.

Он безумно обрадовавшись:

– А-а! Здравствуйте-здравствуйте!

– Я вам названивала все эти дни.

– Я уезжал.

– Вы были дома все эти дни, но не подходили.

Он засмеялся: – Как узнали?

– У меня есть теория: обычно проходишь мимо других нормально. Это значит, ты уносишь с собой свое изображение – оно скользит по другим, не больше. Но иногда ты отражаешься в ком-нибудь, как в зеркале. Это опасно. Начинаешь тотчас погружаться в этого человека. Это значит, ты чувствуешь все, что чувствует он. Например, я по-разному чувствую себя, когда этот человек дома, когда его нет и когда он уехал из города. Начинаешь ощущать даже его мысли. Но это приводит к страшной путанице: он ведь не знает, что ты все о нем знаешь.

– Где вы сейчас?

– Сейчас я могу... возникнуть из пространства... Я в некотором роде Карлсон – «привидение жуткое, но симпатичное».

Гудки. Она медленно спускается к его квартире.

Он вскакивает, лихорадочно начинает убираться, потом приносит стакан воды, надевает пиджак, снова снимает. Звонок в дверь. Он открывает, входит Она.

– Откуда вы звонили?!

Она изумленно:

– Жаль Вы не можете поверить, что я действительно – из пространства. Я зазевалась – и передо мной тотчас возник ваш дом. Он стоял на солнцепеке, весь багровый, и я чуть не разбилась об него. Я хочу пить.

– Я приготовил. – Протягивает стакан воды.

Она агрессивно:

– Как молочко в блюдечке для кошки! – пьет, – Послушайте, как умиленно вы на меня смотрите, ну точно как на котенка. А чувствуете вы наверняка совсем другое... но просто так безопасней, да? Так положено смотреть, да?

Он молчит.

Послушайте... а вы несвободный человек, да? Вы, как они, – любите все, что положено.

– Например?

– В прошлый раз я хотела рассказать о себе ужасную вещь... Вы запомнили?

– Да.

– Еще бы! Если бы я хотела рассказать о себе замечательную вещь... ни за что не запомнили бы!.. Хорошо, я расскажу. Но с условием: я – о себе, а вы – о себе.

– Не сумею. Когда я рассказываю о себе ужасные вещи – они выглядят очень милыми.

– Это и есть первый признак несвободы!.. Свободный человек может рассказать о себе такое!.. Опасно заставлять рассказывать о себе свободного человека!

Звонок. Он не берет трубку.

– Странно, я тут, а телефон звонит.

– Это вы звонили весь вчерашний день?!

– А это недостойный вопрос...

Телефон по-прежнему звонит.

– Я начинаю рассказ. Итак, живут три подруги: Эрика, Наденька и еще одна... В это время люди вокруг усиленно играют в «генералов». Можете спросить.

– Спросил.

– Тогда объясняю! Считается, что все плоды, которые висят на деревьях... даже если эти деревья за забором... принадлежат матери-земле... и всем людям, естественно... Или: если люди... заходят в кондитерский магазин... и там их охватывает жажда конфет... а человек, если чего желает, никогда себе не откажет... Что делают неимущие «генералы». Они берут два пакетика конфет... и пока движется очередь... желание конфет исчезает и один пакетик тоже... Они подходят к кассе, свободные от желания и лишнего пакетика.

– То есть самое обычное воровство?

– Я рассказываю не образцовую историю, а ужасную.

– Простите.

– Тогда продолжаю. Однажды некая девочка возненавидела одну из нашей троицы из-за мальчика... Мальчик полюбил, скажем, Эрику... И вот та отвергнутая девочка... ох, какие страсти бывают у отвергнутых девочек... заставила другую девочку... назовем ее «Икс»... сделать следующее: эта Икс все рассказала про конфеты. Подлость была в том, что она сама ела эти конфеты в магазине и потому все могла подробно рассказать. Естественно, она нарушила законы игры. Но, согласитесь, в мире все должно идти по законам: детским, взрослым, законам природы, законам праведным и неправедным, но по законам, иначе мир рухнет! Законы надо соблюдать... Ну вот... А дальше...

Она замолчала.

– Дальше...

– Вы догадались. Немного лихорадило, но была абсолютная ясность мысли... Самое страшное было то, что Икс покорно пошла в лес за троицей. Она знала, зачем ее повели. Но пошла, и не от бесстрашия, а от покорности, от рабства... Так же как наябедничала из-за покорности перед той! Итак, четверка вошла в лес и стояла на солнышке... как-то страшно соединенная. Все чувствовали, что они одно... такое, наверное, бывает у религиозных фанатиков! Экстаз! Из этого состояния уже было не выйти... и позже человек понял: покорность жертвы – это и есть одна из причин насилия. Но это потом, а тогда были самые простые мысли: воротничок надо выстирать... нельзя в школу с таким грязным, потом вымыть посуду, книгу в руки... включить музыку и на диван. Только надо быстрее сделать, если пришли. Человек понял, что сойдет с ума. То, что происходило вокруг, воспринималось кусками, и человек ударил ее первым, чтобы не заорать... Сильно ударил... Каково?

– Вы правы... это действительно ужасно.

– Вы могли представить, что я способна на такое?

– Я отвечу потом.

– Хорошо, я рассказала сейчас... Тогда другой вопрос. Зачем я вам все это рассказала? Как вы думаете? Опять вы почему-то смотрите на меня, как на котенка... Послушайте, вы сегодня что-то ни черта не понимаете!

– А вы сегодня что-то...

– А я вообще злая!.. Я иногда со злости могу натворить такое!.. Разве не видно? – и яростно: – Ну, я жду... Теперь ваша очередь!

– Значит так, четыре года назад. Уже четыре года! Да, четыре года назад... С... «человеком» случилось вот что... Ночью он сидел у стены с западавшим языком, обливаясь потом, и когда сознание возвращалось, он думал: совсем недавно я мог спать без боли, мог лежать на траве, мог гулять под солнцем... И все это было мне дано! А вместо этого завидовал, скучал и суетился, суетился, суетился. И вот тогда, в своем полубреду, человек поклялся:

если выздоровею уже никогда не забуду – важности жизни! Особенно он настаивал на вечной благодарности молоденькой врачихе, которая возилась с ним. Она казалась ему такой прекрасной! В тяжелые ночные часы... это было обожание. Он представлял, как выйдет из больницы и будет посылать ей цветы в день рождения... Нет, на все праздники! Она давно забудет, кто он! Но он, сохранивший навсегда память о важности жизни, он будет помнить... А потом «человек» вышел... И через неделю он жил... как прежде.

Она торжественно:

– Я рада вашей истории... Мне кажется, если бы вы не почувствовали, зачем я вам рассказала свою, вы не решились бы поверить мне это, да?

Он подошел к ней. Она хрипло: – Ощущение... что все было... Самое нелепое, я помню... чем кончилось.

– Вы...

– Что?

– Звоните.

Она не двигается.

– Звоните, ладно?

И тут Она стремительно выбегает из квартиры, хлопнув дверь. Она взбегает на этаж выше... остановилась и набирает номер.

Звонок в его комнате.

– Да?

– Я хочу задать вопрос: сколько я у вас была? Хорошо, я сама отвечу. Я была у вас двадцать три минуты по часам... Значит, двадцать три минуты по часам и целых три рабочих смены, – засмеялась, Это окончание к моему ужасному рассказу.

– Не понял.

– Это хорошо. И все-таки вы много сегодня поняли. Учтите: была только одна... одна возможность, чтобы все продолжалось... Человек стоял в дверях, умирая от страха. Все висело на волоске. Но вы сказали одну... единственно возможную фразу: «Звоните» – и все стало на свои места.

Гудки в трубке. И вновь звонок телефона.

– Алло!

– Потому что все другие фразы... означали бы, что вы – не вы... и мне снова назад – в пространство! Я благодарна вам за это.

Гудки в трубке.

Наступил вечер. В комнате Матери. В комнату входит Подруга с огурцами в тарелке. Мать и Подруга ложатся на тахту и накладывают огурцы на лица.

– Вообще свинство. Ко мне никто не приходит... чтобы она могла готовиться к экзаменам... А ее каждый день с утра корова языком слизнула.

– Сдаст. А не сдаст – ей семнадцать. Ей все равно хорошо.

– Подожди, рассказывать я огурцы уложу как следует, – закончила укладывать огурцы, – Все! Начинай!

– Значит, пришла. Какой-то болван орет в микрофон счастливым голосом: «Товарищи после тридцати! Наконец мы собрались вместе, желаем вам приятного вечера и веселых встреч!» Сижу. Рядом за столом шесть баб, одна краше другой, возраст соответственно. Думаю, пора сматываться. И тут подходит к столу...

– Врешь!

– Да нет! Красавец, лет сорок с небольшим, элегантен, с легкой сединой. Грустный! Ну, просто капитан!.. Мои бабоньки обмерли, а он... обращается – ко мне!!! Мимо всех!!! «Разрешите вас на танец пригласить». Я быстро лезу через пять пар ног. Пока лезла, увидела лица остальных... получила такое количество отрицательной психоэнергии – хоть в отпуск!

Как я доползла до конца стола – не знаю. И говорю ему небрежно: «Ха!» И будто нехотя, с твоей лентой иду с ним танцевать.

– Ну! Ну?!

– И вот тогда я испытала, что такое быть повелительницей! Что такое быть – тобой! Вот я во сне летала и правила машиной! Абсолютно то же ощущение! Начинает он со мной танцевать... Ну, танцуй...

Они обе складывают огурцы в тарелку. Мать включает магнитофон в ее комнате. Подруга готовится к танцу; кладет руки на талию матери, но в это время стук двери – входит Она.

– Здравствуй.

– Здравствуй.

– Ты собираешься проваливаться в институт, двоечница?

Она, ни слова не отвечая, молча проходит к себе.

Мать вслед:

– Чтобы сейчас же сидела за учебниками.

Она молча входит в свою комнату. Выключает музыку... Тишина.

Подруга вопросительно смотрит на мать.

– Бог с ней...

Обе укладываются на тахту.

– Продолжай рассказывать. Только не так смешно, а то у меня огурцы колышутся.

Подожди, я все-таки их переложу.

Она в своей комнате. Легла на кровать, включила магнитофон – на запись.

Она:

– Письмо второе, которое излагает все, что было до сегодняшней встречи... «На следующий день, после того как я увидела вас впервые, я позвонила вам. Но телефон молчал. Шел дождь. Она меня не пускала. Но я бросилась в дождь. Я примчалась к вашему дому, дом стоял на месте, дом был реальностью... На вашем этаже за лифтом я позвонила снова, но никто не ответил. Я звонила бесконечно, но телефон молчал. Я поднялась этажом выше и просидела там на подоконнике до вечера. Я боялась, что с вами что-то случилось. В одиннадцатый я уехала домой. На следующий день все повторилось. Три дня по целой рабочей смене я провела на вашем подоконнике, чтобы увидеть вас на двадцать три минуты. За это время я успела полюбить ваш подоконник. Он выходит на юг, там всегда солнце, там можно читать книги, писать и иногда звонить вам. Когда мне становилось особенно хорошо, я звонила вам – просто так, от восторга... Зачем я приезжала? Мне, собственно, от вас ничего не нужно было. Лишь увидеть! И когда я увидела вас, я тотчас спокойная ехала домой... Именно спокойная – потому что я знала: с моим человеком все в порядке. Он есть. Я не выдумала его, как все иное! Мне не интересно, как вас называют другие. Я сама придумала вам имя. Это строфа: «Кто и откуда, милое чудо». Милое чудо, здравствуйте! Милое чудо!..»

Подходит к столу, ищет ручку, чтобы записать все эти слова, и натывается на письмо матери, читает: «Дорогой капитан...»

Молча читает письмо до конца.

– Мерзость! – Швырнула письмо на пол и топчет его в ярости.

В комнате Матери.

Подруга:

– Я танцевала так небрежно... великолепно... Я была такой идиоткой, ну, просто настоящей женщиной.

– А он?

– А он на меня смотрит так красиво – просто южный взгляд – и рассказывает историю своего одиночества. Оказалось, он робкий. Такой красавец, но робкий. Ну, болезнь! За ним

все ухаживают, а он все робеет. И мечтает о преданной любви. Ну, думаю, раз в жизни пошла пруха. И становлюсь все эффектней и эффектней... Отгадай, чем кончилось?

– Отбили!

– Да ты что! Оглянулась я на свой стол – ни одной моей уродины, все танцуют, и рядом с каждой кавалер, и симпатичный, и тоже им втюривает – про одиночество, про робость! Ну, отгадай: кто они были?

– Импотенты.

– Ну, отгадывай... ну, еще немножко... совсем рядышком, «горячо»!..

– Неужели?!

– Ха-ха-ха! Это была киносъемка! Снимали фильм об одиноких, скрытой камерой. Ну, теперь ты понимаешь, какая выпала пруха – мое лицо на всю страну с экрана. Неужели не найдется на целую страну хоть один, всего один тип... которому нужна любительница стихов и природы. И вот он покупает билет в кино, и наша встреча состоялась. Пруха! Тельцы должны действовать! Есть надежда! И еще про запас капитан!.. Кстати, ты отправила ему письмо?

Мать вспомнила, вскочила и, теряя огурцы, бросилась к ее двери. Стучит.

Она:

– Можно.

Мать входит в ее комнату. Она глядит на мать, молча поднимает письмо с пола и протягивает ей.

– Ну конечно! Разве ты можешь не прочесть чужое письмо? Спешу тебя разочаровать. Это я написала для тети Веры. Для тети Веры! Слышишь?

Она молчит.

* * *

Поздний вечер. Его жена пришла в его комнату.

– Какая страшная квартира.

Он как-то испуганно-торопливо:

– Чепуха! Нормальная квартира!

– Я боюсь... ее, отчего-то. Прости, что пришла, но твой телефон не отвечал, а я волнуюсь. Ты счастливый – можешь не волноваться. Так что договоримся: подходи к телефону... Нет, как ты не можешь понять! Если бы ты мог хоть что-то понять... Махнула рукой.

– Прошу тебя!

* * *

На лестничной клетке появляется Она.

Звонок телефона в его квартире.

Жена усмехнулась:

– Звонят...

Он не подходит к телефону.

– Ты очень тактичный. Спасибо!

Он молчит. Новый звонок.

Он не подходит.

– Каждое утро я просыпаюсь в надежде, что все это сон!.. И неужели тебе все равно, что я... что мне... Ты знаешь, с тобой я была очень несчастна... но ты – молодец, ты сумел сделать меня еще несчастнее...

Телефон по-прежнему непрерывно звонит.

– Тебе очень хочется подойти!.. Но ты... Еще раз спасибо...
– Не надо! Я очень тебя прошу!
– Что «не надо»? Ты же знаешь, что вся моя жизнь в тебе... Я – твое порождение... Я с тобою стала женщиной... я..., – поднялась, – Я пойду?
– Спасибо.
Но Жена не уходит.
– Какой же ты злой! Знаешь, раньше я специально приходила к тебе в институт... И когда я видела там тебя: такой блестящий... И уже могла продолжать жить с тобою... Иногда на целый месяц хватало... Я пойду?
Он кивнул. Но Жена не уходит.
– Как всегда – только о себе. Ну ладно! Эх ты!
– Я не сержусь. Это надо было сделать. Ты сделала первой. Всего лишь!..
– Я ничего не делала!.. Ну, Бог с тобой! – встала, подошла к нему вплотную, – А ты совсем-совсем... не любишь?
– Не надо!
– Подонок! Ты же... негодяй! Ты... садист! Это все должны знать! Я на каждом углу буду кричать! Я ненавижу тебя! Я десять лет тебя ненавижу! Я изменяла тебе! Слышишь! Знаешь, с кем я изменяла тебе?!
– Я убью тебя! Я...
– Не-а! Не сможешь! Ты... ничтожество! Сколько сил я положила, чтобы сделать из тебя мужчину! Инфантильный дурак! Ты... ты... Ну, ударь! Ударь меня! Трус! Трус!
Жена лупит его по лицу. Он хватается за руки, выкручивает. Какая-то отвратительная драка. Безостановочно звонит телефон. Наконец, Жена вырывает руки, и вдруг хватается за шею, и целует в губы. Потом выдергивает шнур лампы. Темнота. Телефон замолкает.

* * *

В кухне как обычно играют Джазисты.
Старческий голос из-за двери:
– Мальчики обедать... Котик, зови друзей.
Маленький в розовых джинсах перестает играть.
И за ним останавливаются его друзья.

* * *

В Его квартире. Он зажигает лампу и сидит на постели, опустив голову на руки.
Жена, надевая платье:
– В следующий понедельник у меня отгул, и я тебя отсюда заберу... Попижонь до понедельника – и хватит! – кивнула на телефон, – Ты же безвольный... А этот звонок... Мне на него наплевать! Но тебя может обвести любая сукина дочь! В другое время я сказала бы: «Ради Бога, если ты сам этого хочешь!» Но ты же болен, – пронзительно, – Перестань! Ни о чем не думай! Никого у меня не было! Я потом тебе все объясню! Поцелуй меня... – сама его целует, – До понедельника!
Уходит.
Он неподвижно сидит на кровати. И снова звонок в его квартире. Это на лестничной клетке вновь появилась Она... Она держит перед собой окровавленный палец, накрытый платком. Другой рукой набирает его номер.
Она кричит:
– Почему вы не подходили к телефону?!

- Во-первых, здравствуйте.
- Я истекаю кровью!
- Что?! – кричит, – Ты где? Где ты?

Она молчит. Он швыряет трубку и выбегает из квартиры. Она медленно идет к нему, торжественно держа перед собою окровавленный палец, накрытый платком.

* * *

В комнате матери. Мать решительно снимает трубку и торопливо набирает, будто боясь раздумать.

– Алло! Ты не звонил мне, а то меня не было дома? – выслушивает ответ, – Так как насчет понедельника? Мне надо знать заранее. Понятно. А может тогда лучше встретимся в другой понедельник? – выслушивает, – Хорошо, я позвоню в воскресенье. Целую. Чао...

Мать закуривает.

– Подонок.

Звонок телефона.

– Алло.

Подруга:

– Жизнь продолжается. На этом вечере «после тридцати» я познакомилась с одной армянкой, не очень, правда, красивая, но такая веселая, просто приятно. «Наш человек». И она мне открыла новые горизонты. Оказывается мужа можно найти, где угодно. Она своего нашла на кладбище. Ходила на могилу Высоцкого и он тоже. Оба его фанаты. И на этой почве...

И тут Мать начинает хохотать. Она хохочет неудержимо, до истерики, и Подруга тоже хохочет.

Подруга, заливаясь:

– Ну и что? Одна моя знакомая нашла себе мужа на лестничной клетке... Она инженерша, слышишь? Купила себе дорогой кооператив... Ей надо было выплачивать пай... А тут еще подвернулась шуба. Где взять? И что она решила, отгадай?

– Умоляю! Не надо кроссвордов!

– Она подрядилась мыть свою лестничную клетку. Естественно, стеснялась и решила это делать по ночам, чтобы жильцы не видели. И вот моет лестничную клетку, а ночью, как известно, все семейные спят... Короче, все сразу выяснилось: оказалось, после полуночи обычно возвращаются два симпатичных однокомнатных холостяка – один с восьмого, другой с четвертого. А она к тому времени от мытья полов стала такая изящная: сшила себе рабочий туалет – эффектная очень короткая юбочка и к ней кофточка. Представляешь? Глубокая ночь, луна за окном этой самой клетки, а у нее идут разноэтажные свидания... Короче, пошла такая бурная жизнь... на этой клетке! Осенью она уже была замужем, то ли за тем, с четвертого этажа, то ли с восьмого, то ли за ними обоими... А чего? Запасной вариант!.. Кстати, я высчитала: капитан вчера получил твое письмо.

– Спокойной ночи. Я устала сегодня.

– Ты мне не нравишься в последнее время. До завтра!

* * *

В его комнату входят Он и Она. Она все так же торжественно держит перед собой, как флаг, забинтованный палец.

– Надеюсь, вы запомнили, в аптеке сказали: я могла истечь кровью! Я могла умереть!

Он почти кричит:

– Я в двадцатый раз спрашиваю: что случилось?

– Как странно, еще вчера вам достаточно было спросить меня или послать за чем-то – и я понеслась бы исполнять! А сейчас мне все равно! Я не слышу вас, как ее! А я немножко себя поняла: я могу поступать только фанатично, безрассудно, со всем пылом или никак! Смешно! Я освободилась от вас! Я в пространстве! Надеюсь, вам ясно: мы прощаемся!

Он молчит.

– Понимаете, я с детства выдумывала. Когда не умела читать, я сидела у окна, смотрела на улицу и выдумывала. И люди, и вещи, которые я видела, тотчас превращались. Поэтому, когда я потом вновь встречалась с этими людьми и вещами, я всегда путалась, что было реально и что я сама придумывала. Я привыкла путаться. Поэтому с самого начала вы не были для меня реальным человеком. Я вам скажу фразу, вы ее все равно не поймете: «Если бы хоть кто-нибудь позволил ей себя полюбить». Я не боюсь ее сказать, потому что никто в мире не смеет меня унижить! Слушайте все: я приехала к вам сегодня, впрочем, как и вчера, и позавчера, и сидела на вашем подоконнике... Я учила историю. Вы уходили и приходили, а я учила. Мне не надо было с вами встречаться. Мне достаточно было того, что я вас вижу, потому что... потому что...

– Это была моя жена!

Она кричит:

– Мне наплевать! Меня не интересуют ваши отношения с другими!.. Если бы вы понимали, что меня не волнуют ваши гнусные отношения, вы подошли бы к телефону! Но вы предали меня! И освободили... Значит, вы – не вы! Я ухожу из вашей жизни! Обратно! В пространство! Все!

Она не уходит. Стоит, грозно держа забинтованный палец.

– А теперь отвечайте! Учтите! Вы должны сказать мне все! Слышите? И не беспокойтесь... Что бы вы мне ни сказали, сейчас мне ничего не страшно, кроме лжи!

Она засмеялась.

– Вскрывать себе вены – это для других. Для других это подвиг – умереть, а для меня подвиг – жить. Я слушаю вас.

– Я уезжаю отсюда!

И миг Она совершенно потерялась.

– Когда?!

– В понедельник...

Долгое молчание.

– Можно задать вопрос... куда?

– Обратно.

– К ним? – засмеялась, – Как же я не поняла! При моей-то интуиции! Значит, ваше – «звоните» было тогда не от понимания моего страха, а от страха вашего, да? Послушайте, до чего же вы несвободный... Теперь я даже думаю, что именно это мне в вас и нравилось. Мне всегда хотелось иметь собственного котенка. Знаете... мурлыкающее маленькое тельце, нуждающееся в моей защите! Молчите! Слушайте... Я только теперь поняла, зачем я вам рассказала тогда мою ужасную историю... Интуиция! Сразу почувствовала, что для вас эта история полна смысла! Ну, ладно! Гуляйте! Счастливо вам добраться в нашу тюрьму!

– Несвободный... это зануда, да?

– Вам так удобнее?

– Когда ты станешь старше – ты поймешь... что у этих самых зануд – всегда остаются обязанности... Их давно уже ни о чем не просят, а они все за кого-то отвечают...

– Я не слышу! Я не слышу! Я не слышу!

Он кричит: – Потому что это необходимо!.. Например, прожив десять лет с человеком, нельзя...

– Десять! Двадцать! Тридцать! Замолчите! Я ненавижу вас сейчас! Я не хочу потонуть в ваших банальностях! Мне плевать! Все в порядке! Слушайте. Я успокоилась! Совсем! Растаемся! Я даже напоследок хочу попросить вас об одном одолжении! Вы исполните?

– Я исполню.

Он весьма растроган.

– Учтите, вы дали слово! – говорит она зло, – Сейчас вы возьмете трубку, а я наберу номер. Ответит женский голос. Вы скажете этой женщине следующее: «Здравствуй, это говорит капитан. Я приехал».

Он разочарованно: – Какой капитан?

– Отважный. Очень отважный капитан, которого ждут. Устраивает?

– Я не понимаю.

– А вам и не надо понимать. Достаточно того, что понимаю я. А вы дали слово исполнить. Итак:

«Это капитан. Я приехал». Надеюсь, запомнили? Дальше вы спросите у женщины: «А вы Вера?» И она ответит вам утвердительно... Учтите, она будет колебаться, но все-таки ответит, что она Вера... И тогда вы назначите ей свидание.

– А на самом деле это будет не Вера?

Она зло засмеялась.

– По-моему, это ужасно. А если она не ответит, что ее зовут Вера?

– Она ответит именно так. В этом весь фокус. Я набираю...

Поднимает трубку телефона. Набирает. В квартире Матери. Звонок телефона.

– Алло...

– Здравствуйте.

– Кто это?

– Это капитан... Я приехал.

– Боже мой!.. Вы получили письмо!

– Вы... Вера, да?

Мать молчит. Он повторяет: – Вы Вера?

Мать после долгого молчания:

– Да.

– Я хотел бы вас повидать, Вера.

Мать после долгого молчания: – Хорошо.

Она торжествующе засмеялась.

– А когда?

– Давайте завтра... Нет, послезавтра... Нет, вы позвоните мне... в это же время. Хорошо? Послезавтра в это же время. Я буду ждать.

– Хорошо. До свидания, Вера.

– До свидания...

Повесила трубку.

– Какой у него... интеллигентный голос.

В его комнате.

– Теперь объясни мне наконец! Я хочу знать!

– Нет, не хотите... Ну, вы точно как она! Что она сказала?

– Чтобы я позвонил послезавтра.

– Да не пугайтесь! Ничего нового я не придумала. Все ждут своего капитана: я, она, ее подруга, все мы... Ну ладно, прощайте. Ах, да... вы все беспокоились насчет моего пальчика. Я опустила письмо для вас в ваш почтовый ящик, а потом... позже... когда поняла,

что это письмо вам не принадлежит, я просунула палец в отверстие и пыталась его выковырять... Но письмо не шло обратно... и я почувствовала ужасную боль, но я все равно поворачивала палец и края отверстия рвали... и кровь лилась в ваш почтовый ящик. Потом я все-таки вырвала палец, и кровь пошла сильнее, и я позвонила вам... Я ненавижу вас! Не дай вам Бог узнать, что я выстрадала сегодня! Ничего, когда-нибудь я сумею отомстить за свои страдания! Меня многому учили в жизни, и только сегодня вы научили меня жить! Будьте прокляты!

Выскочила, хлопнув дверью.

Он остается один. Звонок телефона.

Он торопливо хватается трубку: – Алло...

Молчание.

– Алло!..

– Через тридцать минут спуститесь и возьмите письмо, я напишу его сейчас... вместо того...

Молчание.

– Сказать?

– Скажите.

– Ты нарочно засунула палец в ящик и вертела, пока не облилась кровью...

Гудки в трубке. И новый звонок.

– Алло...

Молчание.

– Алло!..

– Это подлость! Подлость!

Гудки в трубке.

* * *

Все та же ванная в его прежней квартире. Его жена причесывается, разговаривая с Доктором, стоящим на пороге ванной.

– Я не соврала ему. У нас с тобой действительно ничего не было. «Лав мэйкинг», как говорят англичане, всего лишь. А для меня это ничто! Я ведь мечтала... А!.. – махнула рукой, – Я звоню тебе со своей несытой нежностью, но ты занят! Вечно занят! – яростно, – И ты смеешь быть занятым после того, что я для тебя сделала?!

– Но я...

– Замолчи! Ты – садист! Тебе доставляет удовольствие смотреть, как я суюсь в эту жуткую реку, не зная броду... как я буквально давлюсь своей нежностью к тебе! Знаешь, все! Хватит! Была любовь... predetermined и не заслуженная тобой.

Доктор, как обычно, гладит ее очень нежно по лицу – и жена двигает головкою в такт его ласке.

– Да! Тебе легко... Достаточно взгляда, и я, как дрессированная тигрица, сажусь на тумбу и глазею на хлыст! Нет, нет! Все, я решила! Мы будем с тобою друзьями! Мы будем только друзьями! Слышишь?! Мы только-только друзья!

Целует его руки.

* * *

В свою комнату возвращается Он с письмом в руках.

Читает письмо:

«Мой обожаемый Бернард Шоу сказал: «Нет в мире женщины, способной сказать «прощай» меньше чем в тридцати словах». Банально? Все, о чем мы с вами говорим, почему-то тонет в банальности! Но мне больно! Мне очень больно! Слышите?! Чтобы понять, что я пережила сегодня, обратитесь к классике – «Дневник Печорина», перед словами: «Тем временем Мери перестала петь!» Я не понимаю, что такое для меня эта встреча: величайшее счастье или величайшее несчастье всей жизни... Но я уже точно знаю, что ни одного человека в мире я не люблю, как вас. Я готовилась к этой любви! Я не стыжусь признаться в ней! Я пишу вам с гордостью, как о награде: – я вас люблю! И мне не стыдно и не страшно, потому что во мне горы любви! Слышите, вы! Уходя от вас, я подаю вам, нищему, свою любовь. Держите на бедность!

«.

* * *

Глубокая ночь. Она на цыпочках проходит через комнату Матери в свою. Мать не ложилась спать. Демонстративно сидит с книжкой в руке. Но, не оборачиваясь, Она проходит в свою комнату, и стоит у своего стола, и стоя ест оставленный ей ужин.

– Я не живу, чтобы дать тебе возможность сдать экзамены! Не ешь стоя! Что с твоим пальцем?

Она молча ест.

– И почему ты опять в джинсах? Я ведь просила тебя приучаться ходить в нормальной юбке. Тебе в институт на экзамен скоро идти!

Она миролюбиво:

– В юбке у меня ноги голые. Это меня очень смущает.

Ставит тарелку на пол: – Спокойной ночи.

Закрывает дверь, подходит к магнитофону, щелчок, включила запись.

Мать, распахнув ее дверь:

– Ты сразу скажи... ты решила проваливаться в институт, двоечница? Выключи этот проклятый магнитофон! – Орет. – И почему ты не ответила – что с твоей рукой?!

– Я никогда не была двоечницей. Кстати, я заметила, что люди, не знающие языка, когда они разговаривают с иностранцами, кричат. Им почему-то кажется, что так их поймут.

Мать, спокойно:

– Мне не нравятся твои встречи с Эрикой. Меня очень заботят твои ночные возвращения с порезанными пальцами. Короче – все.

Она:

– Не поняла.

Мать, помолчав:

– Я пошла к Наденьке... к твоей любимой подруге...

– Я не хочу слушать.

– Твоей ближайшей подруге Наденьке, которая, правда, не знает, что она твоя ближайшая подруга. И она мне сказала, что Эрики больше нету.

– Замолчи!

– Эрика внезапно уехала к себе во Львов. Эрика абсолютно неожиданно вернулась к родителям, слышишь? И вообще мне надоели все твои глупости. У тебя через два дня экзамены! С завтрашнего дня ты будешь учиться! Эрика во Львове!

– Еще одна... подлость.

– Милая, я знаю жизнь. К сожалению, ты у меня сумасшедшая, и я не хочу, чтобы дело кончилось... первым встречным!

– Капитаном.

– Что... ты сказала?

– Я ничего не сказала... Это ты говоришь. Это ты хочешь сделать мне больно?

Мать молча уходит из ее комнаты, и, как обычно, начинает стелить постель на кушетке, приговаривая:

– О Боже! Как мне надоело разбирать эту постель... Знаешь... я виновата, что родила тебя сразу без сердца и без мозгов. Я постараюсь исправить это, как могу. Ложись спать. И больше ты никуда не выйдешь из дому, пока не сдашь экзамены.

В ее комнате.

Она укладываясь в кровать, включает магнитофон:

– Письмо двадцать третье: «Итак, сегодня я потеряла сразу вас и Эрику. Я в пространстве, никого вокруг... О нет! Ничего подобного... Ведь слово осталось. Утром, перед приходом к вам, я включила магнитофон и машинально бормотала что-то. Потом мне пришлось в голову прослушать свое бормотанье... Это было одно слово, повторяемое на разные лады. Я испугалась. Я записала тотчас музыку на этом слове. Отмотала ленту, включила. Но это слово тихо звучало сквозь музыку. И в панике я сожгла эту ленту. Смешно! Люди стесняются этого слова! У меня есть теория: человек прочитал определенное количество рассказов, человек наблюдал вокруг, человек знает – сначала должна быть Любовь, чтоб потом была Свадьба. Человеку нужна свадьба, и человек идет не от причины к следствию, а – наоборот: рядом есть объект, подходящий для свадьбы... значит? Значит – я его люблю! Так просто! И он вынужден говорить то, чего не чувствует. И оттого людям так неудобно произносить это слово, и оттого люди привыкли стесняться его. Они стесняются своей лжи... Но почему же осталось это слово у меня после всего?!»

Мать молча входит в ее комнату, выдергивает шнур у лампы. Темнота. Возвращается к себе и долго ворочается на кушетке.

* * *

В кухне. Джазист в розовых джинсах – один.

Тихонечко напевает:

«Реквием

Я не заживусь на этом свете,

Я недолго буду жрать наш общий кислород,

Нарушая экологию среды.

Я умру, и в последний путь пусть провожают

Меня друзья:

Дохлая птица, которую я закопал под забором,

Моя любимая кошка, которую не разрешила

держат мать...

Только они, эти двое – меня не предали».

* * *

Глубокая ночь. Она зажигает свет. Щелчок магнитофона – включила.

Шепчет в магнитофон:

– Письмо двадцать четвертое. «Три часа ночи – это мой час. Только ночью я чувствую себя полностью человеком... Ночью я читаю и думаю, даже ем. Только хищники

и убийцы едят по ночам... поэтому у всех убийц желудки порчены... Я проснулась сейчас совсем счастливая. Поразительно: вместо того чтобы умирать от горя – я свечусь от радости и освещаю собою всю комнату, меня надо выключать на ночь... иначе все загорится... Я вас не видела несколько часов, но я не теряю с вами связь. У меня есть теория: у женщин более высокое предназначение, ибо они должны отдавать. И создавать новую плоть. Поэтому природа наделяет их щедрее. Доля природы в женщине больше. И оттого в них мало логики и много хаоса и безмерности... то есть природы... Поэтому установление связи между людьми сквозь пространство – дело женщин... Чтобы все стало в мире на свои места... я должна непрерывно чувствовать эту связь с вами... Иначе все останавливается. И вот сейчас, наладив связь с вами, – после всего!.. – я испытываю радость! Потому что... я чувствую правду. Боже мой! Как мне нравится вот так разговаривать с вами! Я вас люблю. Сколько раз на день я ловлю себя на этом слове, срывающемся с губ. Я сойду с вами с ума, но я не смогу от вас уйти, – смеется, – Какое счастье! Наконец я смогу сказать вам то, что повторяла тысячу раз, вас предчувствуя: «Каждое утро, проснувшись, я захлебываюсь в собственном дыхании... я ощущаю ваши губы с такой физической реальностью, что почти теряю сознание. Только молоточки в висках. Я становлюсь безумной... и со всей силой этого безумия я говорю вам: я вас люблю! Спокойной ночи, милое чудо!»

Раннее утро. Включила магнитофон.

Она:

– Третье письмо за эту ночь. «Доброе утро, милое чудо! Ощущение радости: если подпрыгну – повисну в воздухе! Всю ночь мне снился сон... оставшийся в наследство от давно ушедших детских времен. Бесконечное поле с блеском холодного неба, и мой полет с высоты этого неба, резкий и прохладный, к земле. После этого у меня целый день от восторга судорожно раздвигаются губы, а глаза горят по-хищному. Счастье, что я не родилась в Средние века, иначе меня сожгли бы, как ведьму. Я люблю вас! Я люблю вас! Ужас! В течение ночи я трижды снимала трубку и только усилием воли заставляла себя не звонить вам. Счастливейший день сегодня! И знаете почему? Потому что сегодня я уже не выдержу... и увижу вас... И вы этого хотите сами! Я не знаю, как это произойдет! Я чувствую! Я увижу вас сегодня! – смеется, – Тайники души...»

* * *

Вечер того же дня. В комнате матери Мать и Подруга.

– Подожди, я только позвоню по делу, – набирает номер, – Ты не звонил мне, а то меня не было дома? – Выслушивает, – Ну хорошо... Чао-какао, – повесила трубку.

Мать легла на кушетку, молчит и Подруга. Они лежат на кушетке и о чем-то думают.

В это время в своей комнате Она разгуливает, натываясь на вещи, включила магнитофон.

Мать, прислушиваясь: – Ни черта она не поступит!

Она в своей комнате шепчет:

– Письмо двадцать пятое, которое заканчивает серию неотправленных писем, поскольку пишется с твердым намерением предстать перед адресатом». Адресат, именуемый в дальнейшем «Милое чудо»...

Мать распахивает дверь. Она тотчас замолкает.

Мать выключает магнитофон.

– Завтра у тебя сочинение, – Подруге, – Она даже не раскрывала учебников. Ты ведь писать не умеешь, двоечница! – подруге, – Ты бы посмотрела, как она пишет! Ты бы почитала!

– Зато ты почитала и ты посмотрела!.. Я это уже поняла!

– Но и ты этим не брезгуешь... Хотя я сделала это случайно, – Подруге, – В доме не осталось клочка чистой бумаги. Все исписано ее идиотскими бормотаниями, даже жировки на квартиру. Причем эти писания она разбрасывает всюду... потому что ко всему она еще и неряха!

– Не надо!

– Малограмотная неряха! Она «Тбилиси» через «Д» умудрилась написать – «Дбилиси». Кстати, кто это – «милое чудо»?

– Замолчи!

– Кстати, этому «милому чуду», которому ты так образно описываешь интересные подробности твоей поездки на море в «Дбилиси»... следует знать, что ни в каком «Дбилиси» ты не была... Это так же точно, как то, что в «Дбилиси» нет моря!

– Я запрещаю читать мои бумаги!

– Я запрещаю орать в моем доме! Уродина!

– А ты... ты... ты... – пришла в себя, усмехнулась, спокойно. – Кстати, звонил капитан.

Подруга:

– Какой... капитан?!

– Уж не знаю!

Мать побледнела.

Она глядит на мать:

– Но этот капитан сказал: «Передайте Вере, как мы договорились с Верой, и я перезвоню ей завтра».

Подруга: «То есть как – договорились? Когда мы договорились?»

– Не знаю... Он сказал: «Как договорились с Верой».

Мать поняла, задыхаясь: «Ты... страшная... ты... ты...»

Она спокойно захлопнула дверь. И разгуливает по своей комнате.

Мать и Подруга молча лежат на тахте.

Мать, жалко:

– Перепутала она что-то. Она ведь... «витаает».

Подруга молчит.

В это время Она в своей комнате зажигает спички, разводит на столе маленький костер и начинает сжигать всю необъятную гору бумаги, которой завален стол.

Мать потянула носом воздух.

– Горит!

Бросилась к ее двери, но дверь заперта.

– Открой! Немедленно! – Барабанит в дверь, – В последний раз! Открой! – кричит, – Или ты будешь жить дома, как все нормальные девочки! Или... ты... уйдешь отсюда! Слышишь?! Открой! Сейчас же!.. Уходи! Уходи!

* * *

Ночь, но в комнате матери горит свет. Мать глотает таблетки, потом гасит лампу, потом зажигает снова, смотрит на часы, потом снова гасит.

* * *

В его комнате. Он спит. Пронзительный звонок. Он вскакивает, бросается к двери.

– Кто?

За дверью молчание. Он торопливо одевается.

Звонок звонит безостановочно. Он уже одет, хочет открыть дверь, но дверь... не открывается!. Он рвет дверь на себя. Ему кажется со сна, что он сойдет с ума, если не откроет эту дверь.

Последним усилием Он наконец открывает дверь – и летит на пол. Он так и сидит на полу, держась за сердце, когда спокойно, торжественно входит Она с большим портфелем в руках.

– У нас, когда люди хотят пошутить, – они вставляют спичку в звонок, а ручку двери квартиры привязывают веревкой к перилам.

Молчание.

– Вы хотите, наверное, спросить, который час, да?

Он сидя на полу:

– Действительно?

– Мой любимый. Два часа ночи. Вы знаете, еще недавно я была совсем без сил. Но у меня есть теория: когда сил совсем не остается, это самое опасное. Тогда человек может натворить такое...

Он, сидя на полу:

– Что случилось?! Что-то случилось?!

– Как вы смешно выкрикиваете. Даже я начинаю нервничать. Я к вам прямо из пространства! Я пить хочу! Вы рады, что я пришла?

Он, продолжая сидеть на полу:

– Я очень... рад.

– Нет, вы не рады. Вы просто испугались, что я буду все дни просиживать у вас на лестничной клетке, а по ночам врываться к вам в квартиру – смеется, – Вы не бойтесь, я пришла к вам чисто случайно... Кроме того, я предварительно установила с вами связь... чтобы узнать, можно ли к вам прийти.

– Что... установили?!

– Ну, я же вам писала об этом!.. Это письмо я вам, наверное, тоже не отправила, да? Я все время путаюсь, что вы знаете обо мне, а чего нет! Жаль, вы никогда его не получите. Оно только что погибло в огне!

– Послушай... а «они»... не беспокоятся?

– Почему все одинаковы? Почему все задают какие-то простейшие вопросы, на которые можно отвечать только такими же простейшими ответами? У низших все значительно лучше. Как только детеныш сможет добывать себе пищу, узы тотчас уничтожаются. У высших плюют на тот момент, когда возникает взаимоотталкивание, и силой хотят поддержать прежние отношения. Раз ты живешь на их территории – ты их собственность, они не только могут – они должны лезть в твои дела! – хохочет, – Нет, как вы напуганы! Совершенно неправдоподобная ситуация: посреди ночи девушка явилась к малознакомому первому встречному. И он же ее боится. Странно, да? Только в жизни могут случаться самые неправдоподобные вещи. Вообще, чем вещь интереснее, я заметила, – тем она неправдоподобнее. А вы абсолютно правильно боитесь. Меня следует бояться, – шепотом, – Нас открыли!

Он устало:

– Кого?

– Эрику, Наденьку и меня... Я вам как-то рассказывала – мы избили девочку. Вчера нас вызвали, – благостно, – Вам хочется спать?

– Послушай, никуда тебя не вызывали...

Она испугавшись, поспешно: – Замолчите!

– И никакую девочку ты не избивала! Ты все придумала! Как ту дрожь в первый день...

Она бросается к дверям, но Он ее ловит.

– Нет уж! Причем придумала с ходу, и наверняка в последний момент, может быть, когда спичку вставляла в звонок! Только зачем?

– Договаривайте: затем, чтобы иметь повод увидеть вас, да? Вчера я чуть не погубила свой палец ради вас, да? А сегодня... Все ради вас? Слушайте! Слушайте! А давайте обсудим другой вариант: может, я нарочно вам врала так нелепо, чтобы вы догадались! Может, мне просто было интересно, как долго вы сможете оставаться богом, то есть молча прощать! Но вы недолго смогли. Вы неважный бог. Слушайте! А может, мне надо было, чтобы вы быстрее пали, чтобы улететь от вас обратно в пространство? Вы быстро пали. Если бы вы видели себя сейчас... Слушайте! Вы просто обычный «несвободный» человек, который боится всего непонятного. Не волнуйтесь... Я вам не угрожаю... Это так – детское... Только дети умеют увлекаться целиком и фанатично... Но контроль я все-таки сохраню, потому что я сразу – и ребенок, и женщина... Учтите, очень старая женщина. У меня ощущение, что я жила всегда... Ну, что молчите? Второй вариант тоже не подходит? Слушайте! Тогда я вам могу третий предложить? Может быть, история об избиении была всего лишь иносказанием! Притчей! Это история ведь о вас была! А не обо мне! И смысл ее был, конечно, не в том, что три девочки избили четвертую. Смысл ее был в той, четвертой. Помните? Она сразу подчинилась. А ведь они вели ее, только чтобы попугать! Всего лишь! Но от ее тупого подчинения в них проснулось зверство. Помните, они велели ей встать на колени, и тотчас, без сопротивления, она встала. Я уверена: вот тогда-то они и озверели окончательно. Покорность жертвы будит в человеке самое низменное: древний инстинкт хищников! Я уверена: безропотно подчинившаяся жертва в какой-то степени соучастник палача. Я рассказала вам эту историю для размышления, Милое чудо. Потому что я интуицией чувствую: вы – прирожденная жертва! Что вы молчите? Вы, посмеявшийся уличить меня во лжи! Как же вы не поняли? Я никогда не лгу, я только придумываю! Например, никакой Эрики нету! Просто зашла в магазин пишущих машинок, мне было шестнадцать лет, у меня не было никакой подруги, точнее, я со всеми рассорилась и погибала от одиночества. А там висела реклама – красавица с золотыми волосами печатает... и надпись «Эрика». И я тотчас сделала ее своей подругой! Потому что... чтобы придумать самое нереальное – мне всегда нужно основание: я – нереальный реалист! Поэтому, чтобы придумать любовь, – мне нужно, как минимум, подобие... то есть вы. Что вы на это скажете? Может, это главный вариант истории? Может быть, вы – миф, как подруга Эрика, не более? А все слова, которые я говорю вам, я уже тысячу раз произносила в воображении. Может, просто выдумала вас, чтобы не задохнуться от собственной нежности.

Он молча подходит к ней.

– Если вы дотронетесь, я заору. Я очень хочу заорать! Я так заору, что проснется весь ваш проклятый дом. – кричит. – Отдайте письма! Слышите! Немедленно! Отдайте все мои письма!

Он удивленно глядит на нее. Потом молча идет, открывает портфель, стоящий в углу, и протягивает ей письмо.

– Нет! Все, что я написала! Немедленно! Потому что каждое письмо стоило мне всех сил! Страданий.

Он молча, усмехаясь, продолжает стоять с одним письмом.

Она почти испуганно:

– Это... все?..

Он по-прежнему молча глядит на нее. И тогда Она выбегает из квартиры, хлопнув дверью. Он сидит на кровати, держась за сердце. Раздается резкий звонок. Он открывает. И входит Она.

– Я рада, что отправила вам всего одно письмо! Вы недостойны моих писем! Но перед тем как войти к вам сегодня, я сидела на подоконнике и кое-что вам написала. Я решила

все-таки прочесть это вам... чтобы не было путаницы. Только учтите – одно слово, и я уйду! Молчите и слушайте.

Вынимает толстую тетрадь и читает: «Письмо двадцать шестое».

Он с изумлением хотел было спросить, но Она мрачно на него взглянула, и Он ничего не спросил.

Она читает письмо:

«Человек ушел из дома. Все ссоры человека с нею кончались примерно одинаково: «Не умеешь жить дома, как все нормальные люди, уходи». И вот человек ушел. А может, он хотел в ту ночь, чтобы его выгнали, – это еще неясно. Но, так или иначе, человек взял с собой книжку, духи, общую тетрадь, зубную щетку и, имея в наличии девяносто три рубля отбыл, сопровождаемый проклятиями. Он вышел на магистраль и начал ходить с одной стороны на другую. Ему казалось забавным – ходить вот так посреди улицы, которую днем перейти нельзя из-за машин. Несколько раз останавливались машины, но человек качал головой, он ждал свой автобус. В час тридцать, поняв, что ждать бесполезно, он поехал на попутном грузовике. Человека высадили в центре и, учитывая бедственное положение, вручили пакет молока и не взяли ничего. Человек выпил на скамейке молоко, а потом встал и пошел, куда глаза глядят. Он шел и думал – пока ему не перебежала дорогу ночная кошка. Тогда он остановился и огляделся: это было заколдованное место. Стоило человеку отвлечься на мгновение – и где бы он ни находился, он оказывался именно здесь. Поэтому он так боялся отвлекаться. И вот он стоял у этого самого дома и смеялся. Помните, как в «Войне и мире» Пьер...»

– Милая...

И тотчас Она ринулась за дверь. Через мгновение пронзительный звонок в дверь. Он открывает.

Она входит, серьезно:

– Я не буду вам больше читать. Я просто кое-что скажу напоследок. В детстве я очень много болела. Поэтому я, привыкшая быть одна, как никто, ненавижу одиночество. Я, у которой нет друзей... потому что никто меня не выдерживает, – я всегда мечтала о друзьях. Но им скучно со мною, а мне – с ними. И они быстро уходят от меня или я от них. Я называю их «друзья-моменты». Но вы! Вы! Мне предназначенный... Как же вы не поняли, как вы сумели не понять?! Если бы вы знали, что мне стоило простить вас вчера, и вот я пришла, а вы меня оскорбляете всем: словами! Видом! Обвинениями во лжи! – размахивая забинтованным пальцем, – Но я не покраснела, слышите, хотя мне стыдно за вас! Потому что я давно научилась не краснеть, чтобы выжить. Да! Когда человек был маленьким, он заметил: если в чай положить лимон – чай светлеет. Мать мыла голову в лимоне, чтобы у нее светлели волосы. Тогда человек придумал теорию: есть лимоны в невероятных количествах, чтобы научить свою кожу не краснеть. Так вот: когда человеку нужно покраснеть – за себя или за кого-то, – он вспоминает, как мучительно трудно есть через силу лимон! И он бледнеет! Только бледнеет!

Он:

– Я...

Не успел сказать. Она тотчас выскочила за дверь, и тотчас ее звонок. Он открывает.

– Когда я поднималась к вам, я вдруг представила: на лестничных клетках в разных пролетах стоят двое. Они стоят так, что могут даже взяться за руки, но потом – любое движение вверх или вниз, и они не удержат это рукопожатие! Но они не могут стоять – ведь они должны идти! И поэтому миг, когда они соединили руки, – единственный! Единственный! Иначе быть не может! Я чувствую! Скоро все кончится! Я чувствую!

Хлопнув дверью, выбегает из квартиры. Он молча подходит к двери, раскрывает, ждет. Наконец в дверях появляется Она со своим нелепым портфелем. Она сама подходит к нему. Он ее обнимает.

Она бешено выворачивает голову, но застывает тотчас, как чувствует его губы.

Она целуется нелепо, неумело, бешено, потом долго молчит, потом бормочет: «Вершины вбок».

Его комната. В рассветном сумраке в кровати Он и Она.

– Ты что? – Проводит пальцами по ее глазам.

– Ну что вы! Когда дети плачут, они это делают для других. Здесь не для кого.

Но слезы сами текут по ее лицу, но Она все-таки сумела произносить слова не всхлипывая, только медленно.

– Вы не обидитесь, если я уйду?

– Ты куда не пойдешь.

– Знаете, я сейчас немного посплю. Умираю – хочу спать. А потом я уйду.

– Ты считаешь, что... они...

– Я запрещаю вмешиваться в мою жизнь. Я никому этого не позволяю... Только помолчите, я посплю три секундочки, ладно?

Долгая-долгая пауза, наконец-то Она сумела совсем успокоиться.

Вскакивает. На кровати:

– Все! Я выпалась, больше не хочу. Я хочу вина!

– Зачем тебе вина?

– Испугались? Я так люблю, когда вы пугаетесь. Я хочу напиться! Слышите!

– Тебе не надо напиваться.

– А вы без юмора: учить праведности вами же сотворенную грешницу... Ну, хорошо. Я, пожалуй, еще немного у вас побуду. Мне не так долго осталось с вами встречаться... Мне, может, не очень долго осталось жить. Не верите? Я не переживу этого лета. Кстати, «они» – это она...

– А твой отец...

– Разучитесь задавать мне вопросы, – нежно-нежно, – Она читала мне вслух сказки! Все детство! Миллион сказок! Она очень красивая, и она принадлежала мне, только мне!.. И вот однажды я узнала, что она – не моя, она мне изменила. Появился он... Учтите, я не возненавидела его, он был ниже моей ненависти. Я возненавидела ее! Я не могла смотреть на нее без презрения! У нее голос меняется, когда она разговаривает с ним по телефону! Я все время вспоминаю историю: тигр любил укротительницу и загрыз ее, когда она полюбила! Но самое жуткое: недавно я прочла ее письмо. Она – богиня! Красавица! Рожденная, чтобы ее боготворили! Писала неизвестному! И готова была боготворить его, только чтобы не быть одной... то есть не быть со мной!

– Это мы ей звонили?..

– Не мы, а вы! Послушайте, я рассказала вам все это только потому... что у меня ощущение, что все, что знаю я, – знаете и вы. И я путаюсь! Просто чтобы не путаться... Который час?

– Четыре.

– Прекрасно. Еще, пожалуй, четверть часа. Я уже совсем не хочу спать. Знаете, ночью я оживаю. Возлюбленная ночь... Но именно в этот час, перед рассветом, у меня появляется ощущение такого трагизма – как будто мне осталось жить всего лишь до восхода! И так не хочется уходить. Я люблю ночь за нереальность, или моя нереальность от ночи? Пожалейте меня!.. А, все равно! Моя ночь! Милый! Милое чудо! – смеясь, – Слушайте!! Помните, я говорила, что не боюсь никого, и никто не сумеет причинить мне боль? Знаете почему? Потому что самая страшная боль исходит от меня самой. И самое дикое, что я эту боль предчувствую задолго. И, предчувствуя, я уже заранее ее переживаю. Так что, когда эта боль наступает, мне уже не больно. Невероятная дикость получается: то, что я чувствую во время,

предшествующее боли, куда страшнее, чем сама боль... Знаете, отчего я сейчас так переживаю? Я чувствую: Я вас потеряю.

– Ну что ты еще выдумала?

– Я хорошая, слышите? Скажите: я хорошая! Я все равно хорошая? Да? Да?

– Да, да!

– И понимаете, то, что я сейчас скажу вам, – это не фантазия: я знаю точно – я жила раньше... очень давно... иначе я не могла бы так точно вас предчувствовать. Вы верите?

– Верю.

– Нет, вы попросту хотите спать... У меня есть теория: в Новый год я должна стричься. Дело в том, что кончики моих волос хранят память года. Определенная их длина соответствует определенному страданию. И оттого вместе с кончиками волос уходят мои беды... Поэтому 31 декабря я прихожу в парикмахерскую, но там на меня смотрят как на идиотку: говорят, у тебя стричь нечего. Но я жду! Я жду! И где-то в десять вечера они сдаются и стригут меня, только чтобы отвязаться. А в этом году мне было так плохо, что я не дождалась Нового года и прямо перед вами решила состричься! И когда я состриглась, я вдруг странно поняла – случится! И я вышла из парикмахерской – ожидая. И в половине шестого я впервые раскрыла вашу дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.